

ЯН АМОС КОМЕНСКИЙ И СЕНЕКА: ГЕНЕЗИС ФИЛОСОФСКО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПРОЕКТА

А. С. СТЕПАНОВА

Российский государственный педагогический университет
им. А. И. Герцена, Санкт-Петербург, A-Step@mail.ru

ANNA S. STEPANOVA

The Herzen State Pedagogical University, St. Petersburg (Russia)

IAN AMOS KOMENSKY AND SENECA: THE GENESIS OF THE PHILOSOPHICAL
AND EDUCATIONAL PROJECT

ABSTRACT. The article discusses the significance of the heritage of Seneca for the genesis of the philosophical and educational project of Jan Amos Komensky, which he called *Pansophia*. On the basis of terminological analysis and a comparative method, the main positions, terminological preferences and the meaning of Komensky's creative development of the philosophical experience of this particular ancient author are revealed. In Komensky's educational project, the ancient tradition introduced by Seneca is renewed in a new form – the humanistic ideal becomes the core of the didactic concept. Komensky's project combined the theory and practice of human education, focused on a philosophical understanding of his nature.

Keywords: Komensky, Seneca, nature of the man, education, pansophia.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-013-00940/19 «Эвристический потенциал философско-образовательного проекта Я. А. Коменского». (The reported study was funded by RFBR according to the research project No. 19-013-00940/19 «Heuristic potential of the philosophical and educational project of Jan Amos Komensky»).

В последнее время все большее внимание исследователи обращают на рецепции античных идей в творчестве великого чешского мыслителя и педагога Яна Амоса Коменского. Можно согласиться с мнением Андреаса Фритча, который утверждает: «Никто не поспорит с тем, что Сенека имел

большое влияние на Коменского и эта тема требует большого монографического исследования» и добавляет: «Влияние же Сенеки значительнее, чем то, которое было признано раньше и имеет определенное влияние на полную систематику Коменского с точки зрения вклада в его этику» (Fritsch 2008, 58). «В Пампедии, – продолжает тот же исследователь, – никакой автор так часто не цитируется, как Сенека (Fritsch 2008, 60). Говоря об особенностях комениологии, до 1990 г. не обращавшей должного внимания на предшественников Коменского, Вера Шифферова отмечала: «Поэтому Сенека оставался на заднем плане интереса исследователей» (Schifferová 1990, 110).

Действительно, несмотря на изрядную критику античных авторов, Коменский неустанно на них ссылается и уже сам по себе этот факт требует специального исследования. Вместе с тем Коменский среди античных авторов выделяет именно стоиков, цитирования же Сенеки превосходят все остальные. Поэтому важно определить, в чем состоял акцент этих цитирований? Можно предположить, что за внимательным прочтением Коменским Сенеки, а именно об этом здесь следует говорить, скрывается не столько поиск образца для примеров, сколько общность философско-образовательных позиций. В чем они заключались?

Достаточно обратиться к тексту «Великой Дидактики» Коменского, чтобы заметить содержательный характер внимания Коменского к высказываниям Сенеки. Родственность позиций Коменского и Сенеки могла определяться мировоззренческой установкой, ориентированной на приоритет природного начала: «То, что подсказано природой, принадлежит всем», – утверждал Сенека в «Нравственных письмах к Луцилию», дополняя тезис ранних стоиков о необходимости следования природе (IX. 21, 1977, 18, пер. С. А. Ошерова). Или еще: отвечая на вопрос, что мудрец исследовал и извлек на свет, он отвечал: «*primum verum naturamque*» (Прежде всего, истину и природу) (XC 34 Senecae L. Annaei 1965). Эта мысль о природе как источнике всего, главное, самой жизни звучит в разных контекстах и в учении Коменского, упоминающего в «Великой дидактике» о необходимости обнаружения общего корня (*communis radix*) в познавательно-образовательном процессе, призванном имитировать природу. Так он утверждал: «Природа ничего не создает без основания, без корня» (XVIII 13, 274, пер. А. Адольфа и С. Любомудрова), в другом месте он дополняет свою мысль: «природа пускает корни глубоко» (XVIII 17, 276). Этот акцент на природное начало не случаен, поскольку Коменский, провозглашая всеобщность образования для всех и усматривая корень образовательных побуждений человека в самой природе, следовал именно этим представлениям. Теория образования и теория познания рассматривались Коменским в связке – как две стороны

единого процесса. И то, что в его образовательном проекте прозвучал тезис: «учению о природе должно быть предпослано учение о нравственности» тоже указывает на общий источник – нравственное учение стоиков, актуализированное в римскую эпоху Сенекой, которое они связывали с природными корнями (XXX 7, 526, пер. А. Адольфа и С. Любомудрова). Более того, Коменский саму природу называет учительницей (*naturae magisterio*), от которой только и можно позаимствовать порядок всеобщей идеи обучения. Поэтому всю схему своей дидактики он выстраивал, исходя из этого тезиса (*Didactica Magna* XIV 7).¹ В работе Катержины Шольцовой отмечается настойчивость актуализации Коменским этой точки зрения: «Он подчеркивает, что искусство идет от природы, а не наоборот» (Шольцова 1896, 31). Общие основания такого подхода Коменского, значимые с онтологической точки зрения, подкрепляются и его проектом, изложенным в «Физике», трактате философского свойства, где он замечает: «Мы встроены в сад природы» (*nos in naturae horto constituti*) (Comenii 1978, 20).² Он искал способ обучения философии, призывая слушать «*sensu et ratione*» (чувство и разум) (Comenii 1978, 20), поскольку «*à sensu incipiamus*» (мы начинаем с чувства) (Comenii 1978, 10) и призывал учитывать «*ordinatam constructionem*» «упорядоченную структуру» мира (Comenii 1978, 4).

От основ натурфилософии мысль Сенеки возвысилась до философии нравственной, с мощной антропологической доминантой: «То первое, что обещает философия, – увещевал Сенека, – это чувство солидарности, человеколюбие и жизнь в сообществе» (*Nos primum philosophia promittit, sensum commune, humanitatem, et congregationem*) (V 4 Senecae L. Annaei 1965). Для стоиков задача воспитания отвечала общефилософскому и теоретико-познавательному проекту заботы о разуме «*ἐπιτήδευσις λόγου ὀρθότητος*» (возвращение истинности разума), то есть, их философский проект по своему смыслу был педагогическим (Arnim I. II 131). При этом немаловажно, что и Сенека, и Коменский, основываясь на парадигмальном для них факторе природы, процесс воспитания и образования человека уподобляли выращиванию растения, а образ воспитателя возводили к образу земледельца. Уже у ранних стоиков, разъясняющих понятия «польза» и «благодеяние», звучал подобный мотив заботы о растениях: *ὁ γεωργὸς ... πολὺν καὶ καλὸν θέλη καρπὸν λαβεῖν ... καὶ πάντα τρόπων ἐπιμελεῖται καὶ θεραπεύει* «земледелец, желая получить обильный и прекрасный урожай, всемерно попечительствует и

¹ Здесь и далее перевод латинских терминов и фрагментов Коменского, кроме особо отмеченных случаев, осуществлен автором статьи по изданию Адольфа и Любомудрова (1896) с обозначением «*Didactica Magna*».

² Текст любезно предоставлен К. Шольцовой (Dr. K. Šolcová).

ухаживает за ними» (*Animi I. I 236*).³ Сенека очевидным образом применяет этот образ к сфере образования и сравнивает радость земледельца от первого плода выращенного им дерева с впечатлением педагога, воспитавшего в ученике «природный дар». Характерна терминология, употребляемая Сенекой применительно к учителю – термин «вылепить» адресует еще и к образам скульптора или архитектора, к которым прибегает, как известно, в своей «Великой Дидактике» и Коменский: «увидят, – утверждал Сенека, – созревшим то, что было нежным под вылепившими их руками» (*XXXIV 1, 1977, 62, пер. С. А. Ошерова*). Коменский также уподоблял воспитание садоводству: «*iuventutem accurate instituendi ratio hortorum culturae comparari*» (разум юношества, подлежащий тщательному обучению, можно сравнить с возделыванием садов) (*Didactica Magna XXVII 10*). Данное высказывание явным образом перекликается с вышеприведенным стоическим, только философский акцент радикально меняется на образовательный. Коменский здесь употребляет термин *institutio*, который соотнесен с термином *cultura*, который в «Великой Дидактике» он использует неоднократно в значении как образования, так и, собственно, культуры. Вообще терминологический ряд, имеющий у Коменского отношение к теме образования многообразен: *educatio, eruditio, institutio, disciplina, formatio* (воспитание, выращивание). Термин *eruditio* (обучение, просвещение), который у Цицерона выступает в значении культуры, Коменский все чаще дополняет термином *cultura*. Вообще аналогия с садоводством не случайна, поскольку он сравнивал ум человека с семенем или с зерном, изначально содержащими потенциал развития в себе самих, как бы программу будущего растения или дерева. Между тем, известно, что именно стоики высказали мысль о произрастания нового из ростков семени: «Ничто так не любит природа Целого, как изменять существующее и творить новое подобное. Ибо все существующее есть некоторым образом семя того, что из него произойдет» (Марк Аврелий IV 36, 69, пер. С. Роговина). Смысл данной позиции для теории образования заключается в сомнении относительно пользы доминирования внешнего воздействия, в признании лишь направляющей роли педагога, раскрывающего природные способности ученика, представляющего в результате обучения в новом качестве. При этом и Сенека, и Коменский актуализировали тему развития и раскрытия уже существовавших природных задатков в ученике.

³ Для Цицерона фактор «заботы о себе» затрагивает, в основном, политический аспект, но появляется и оттенок образовательной парадигмы, которая явным образом соотнесена с общественной доминантой: «“Забота о себе” у Цицерона оказывается связанной с умением жить в городе “по праву и закону”, которое человек приобретает благодаря образованию» (Пичугина, Волкова 2018, 59).

Так «природа, – говорил Сенека, – дала нам только зачатки знания, но не само знание» (СХХ 4, 307, пер. С. А. Ошерова). Отсюда проистекали задачи педагогики по развитию этих задатков. Примерно об этом говорил и Коменский, когда призывал педагога (образователя юношества) заниматься познавательной способностью, которую он определял как «корень знания» (*radix scientiae*) (*Didactica Magna* XVI 35).

Безусловно, суть образовательного проекта Коменского, призывающего к всеобщности образования (ключевой момент его программы), заключается в его гуманистической направленности, и в этом он является не только наследником, но и продолжателем идей стоиков, касающихся ценности человеческой личности и заботы о людях. «Истина открыта для всех, – говорил, транслируя идею всеобщего доступа к знанию, Сенека, – ею никто не завладел. Немалая доля ее останется и потомкам» (XXXIII 10, 62, пер. С. А. Ошерова). Эта душевная щедрость в отношении задачи передачи знаний является отличительной чертой подлинного педагога: «существует закон гуманности (*lex humanitatis*), – писал Коменский в «Дидактике», «призывающий всякого для помощи человеку, государству и всему роду человеческому (XXXII, 15). Этот закон гуманности соотносим с понятием мудрости, кульминационный момент которой фиксируется понятием *пансофия*. Здесь важен следующий момент: идеал мудрости, соотнесен у стоиков с особой ценностью: мудрец – человек стремящийся (*prokoron*). Те же обертоны встречаем и у Сенеки: «Человек, – писал Сенека, – не добр, но он становится добрым, чтобы, помня о своем происхождении, стремиться стать равным богу (XCIII 30, 199, пер. С. А. Ошерова). Это высказывание Сенеки цитирует Коменский. Сенека отчетливо противопоставлял философию как ступень стремления к благу и софию как результат этого стремления, что аналогично пансофии Коменского. Данный тезис *стремления* послужил в пропедевтическом смысле важным аргументом для образовательной теории, согласно которой Сенека называл мудреца «наставником рода человеческого» (*generis humani paedagogus*) (LXXXIX 13 Senecae L. Annaei 1965). На созвучность этой мысли общей направленности концепции Коменского обращает внимание В. Шифферова (*Schifferová* 1990, 110). Вместе с тем Сенека, благодаривший за подсказку Эпикура, выводит образ мудреца – наставника (*paedagogus*) и свидетеля (*testis*), что содержит намек на совесть человека (XI 9 Senecae L. Annaei 1965).

Общность подходов Коменского и Сенеки касалась выведения на первые позиции эмоционально-нравственного аспекта личности – мысль, усиленная Коменским. Говоря о достоянии мудреца, Сенека упоминает сохранение верности «не словам, а чувствам» (*Senecae L. Annaei, IX. 20*). Именно на этот

фрагмент ссылается в «Великой дидактике» сам Коменский, давая более близкий к оригиналу перевод, что часто не отражено в переводах его текста, ведь Коменский, особо подчеркивает мысль Сенеки о служении именно чувствам: «non verbis serviamus, sed sensibus» (не словам мы служим, а чувствам) (Didactica Magna XIX 46).⁴ Перевод «чувствам» наиболее точно передает выбор приоритетов, понимание обоими мыслителями педагогической задачи в целом и подчеркивает необходимость апелляции в процессе образования, прежде всего, к чувствам обучаемых. Смысл приоритета чувств для Коменского дополнительно разъясняет текст «Физиики», в которой чувства называются важнейшим фактором познания вещей. Вместе с тем, вполне стоически звучит следующее высказывание Коменского: «Все, что преподается, должно подкрепляться доводами разума» (XIX 46, 336). Действительно, призыв к разуму и чувствам в их совместности отличало мировоззрение поздних стоиков, что отразилось на образовательном проекте Сенеки.

Наиболее близка также Коменскому у Сенеки мысль об использовании правил обучения, первой же задачей он, ссылаясь на философа-стоика, называл устранение препятствий к обучению, то есть, всего, что мешает выполнению этих правил (prius amovens obstantia praeseptis) (Didactica Magna XVI 30). Особый акцент ставился Коменским на роль подготовительного этапа: «<...> приуготовляя достойный путь для этого наиболее всеобщего образования» (unuversaliori illi culturae viam praeparantes) (Didactica Magna XXXII 11). Актуально звучат слова Коменского о необходимости учить учеников «понимать полезное» (intelligere tantum utilia), (Didactica Magna XIX 35). Акцент на аспект понимания чрезвычайно важен для концепции Коменского и выдает родство с терминологией стоиков.⁵ Отмечая необъятный объем знания, доставшийся от предков, Сенека совсем в духе пансофии апеллировал к его целостности: «нужно все рассмотреть, все изучить <...> не разрушив целого», перенеся этот принцип целостного рассмотрения на человека: «имей перед собой целого человека...», - заключал он (XXXIII 5, 61, пер. С. А. Ошерова). Это высказывание дополняет оброненное Сенекой замечание, выражающее пожелание усилить качество образования: «Учись для того, чтобы знать не больше, а лучше» (LXXXIX 23, 201, пер. С. А. Ошерова). Сенека также говорит о самой возможности приобретения нового качества в связи с разъяснением понятия блага и принципа «согласие с природой», выводя это понятие, применимое уже только к человеку, за рамки природного как такового (Сенека CXIX 12, 17, 304-305). Так натурфилософская концепция подкрепляется антропологическим содержанием.

⁴ А. Адольф и С. Любомудров переводят – «мыслям» (с. 336).

⁵ См. Степанова 2012, 228–257.

Идея целостности была существенна и для Коменского, наставляющего будущих педагогов: «Формируя человека надо образовать его в целом» (*Didactica Magna*, XVIII 11). Существенно, что для описания процесса образования Коменский использовал глагол «formari» (формироваться). Небезынтересно провести сравнение с высказыванием Сенеки, разъясняющим сущность мудрости в отношении природы: «не отклоняться от нее и формировать себя по ее закону и по ее примеру» (Сенека, *О блаженной жизни* 2.15, пер. Т. Ю. Бородай). Как видим, Сенека употребляет тот же самый глагол (*formari*). В «Нравственных письмах» Сенеки также звучит призыв «образовывать себя» (XXXV 1).

В заключение следует отметить, что весь строй мыслей Сенеки указывает на идеал обучения философии как пути не столько к абстрактному благу, сколько к конкретному человеку и его жизненному опыту. Что же касается Коменского, то его мысль также двигалась от парадигмы природы к парадигме природы человека. Он выстраивал систематическое учение, подкрепленное методологией, имеющей всеобщий характер (*panmethodeia*) и насыщенное специальной терминологией, благодаря чему педагогика в его исполнении становится философской наукой. Можно сказать, что по своему существу дидактика Коменского представляет первый опыт того гуманитарного проекта, который впоследствии обретет очертания педагогической антропологии, причем проекта конструктивного, сочетавшего теорию и практику образования человека, ориентированную на философское понимание его природы.

Отмечая факт обращения Коменского к наследию Сенеки, следует говорить не просто о рецепциях, а о творческом освоении идей этого философа-стоика, что подчеркивает актуальность – в содержательном смысле – для чешского мыслителя поиска философских оснований его теории. Этот поиск, отмеченный появлением таких трудов как «Физика» и «Великая Дидактика», воплотился в идее *пансофии* (всеобщей мудрости) и *пампедии* (всеобщего обучения). Таким образом, выстраиваются два параллельных ряда: у Сенеки – софия и педагогия, а у Коменского – пансофия и пампедия, где первый компонент каждого из этих рядов указывает на смысл философских концепций авторов, ставящих целью результат духовного роста человека и человечества в целом, а второй выявляет содержание образовательных стратегий, нацеленных на задачу всеобщего образования. Точкой пересечения этих рядов является гуманистический идеал в его практико-ориентированной форме, прежде всего, образовательной.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Адольф, А., Любомудров, С., пер. с лат. (1896) Коменский Я. А. *Великая дидактика* (*Didactica Magna*). Москва: изд. К. И. Тихомирова.
- Бородай, Т. Ю., пер. с лат. (2000) Сенека, *О блаженной жизни*. Луций Анней Сенека. *Философские трактаты*. Санкт-Петербург: Алетея.
- Ошеров, С. А., пер. с лат., Гаспаров, М. Л., ред. (1977) Сенека Луций Анней, *Нравственные письма к Луцилию*. Москва: Наука.
- Пичугина, В. К., Волкова, Я. А. (2018) *Марк Туллий Цицерон и современное ему образование: краснеет ли бумага у гуманитария?* Москва: Русское слово.
- Роговин, С., пер. с древнегреч. (1994) Марк Аврелий, *Размышления*. Магнитогорск: Амрита-Урал.
- Степанова, А. С. (2012) *Философия Стои как феномен эллинистическо-римской культуры*. Санкт-Петербург: Петрополис.
- Шольцова, К. (2017) «Учение Яна Амоса Коменского в контексте теологии XVII века», *Отечественная и зарубежная педагогика*, 5 (43), Т. 1, 23–35.

REFERENCES

- Fritsch, A. (2008) "Comenius, Die antike und Seneca," *Studia Comeniana*. Uherský Brod 79, 37–67.
- Kyralová, M. S., Sousedík, Steiner M., eds. (1978) *Comenii J. A. Physicae. Ad lumen Divinum reformandae synopsis. Ad Physicam addenda*. Praha.
- Reynolds, L.D., rec. (1965) Senecae L. Annaei. *Ad Lucilium epistulae morales*, Oxford Classical Texts 2. Lib. XIV-XX. Oxford: Oxford University Press.
- Schifferová, V. (1990) "Komenský a Seneka," *Studia Comeniana et Historica* 20, 106–111.
- von Arnim, I (1964) *Stoicorum veterum fragmenta*. Stuttgart. T.1, 2.
- In Russian:
- Adolf, A., Lyubomudrov, S., tr. (1896) *Komenskij Ya. A. Velikaya didaktika (Didactica Magna)*. Moskva: izd. K. I. Tihomirova.
- Borodaj, T. Yu., tr. (2000) *Seneka, O blazhennoj zhizni*. Lucij Annej Seneka. *Filosofskie traktaty*. Sankt-Peterburg: Aleteja.
- Osherov, S. A., per. s lat., Gasparov M. L., ed. (1977) *Seneka, Nравstvennye pis'ma k Luciliyu*. Moskva: Nauka.
- Pichugina, V. K., Volkova, Ya. A. (2018) *Mark Tullij Ciceron i sovremennoe emu obrazovanie: krasneet li bumaga u gumanitariya?* Moskva: Russkoe slovo.
- Rogovin, S., tr.. (1994) *Mark Avrelij, Razмышleniya*. Magnitogorsk: Amrita-Ural.
- Shol'tsova, K. (2017) "Uchenie Yana Amosa Komenskogo v kontekste teologii XVII veka," *Otechestvennaya i zarubezhnaya pedagogika*, 5 (43), 23–35.
- Stepanova, A. S. (2012) *Filosofiya Stoi kak fenomen ellinisticheskoy kul'tury*. Sankt-Peterburg: Petropolis.